

ЦИЦЕРОН О РОЛИ И МЕСТЕ PRINCERIS В ПОЛИТИЧЕСКОЙ
СИСТЕМЕ РИМСКОГО ОБЩЕСТВА

(по материалам трактата "О государстве")

К числу наиболее сложных вопросов, затронутых Цицероном в трактате "О государстве"¹, относится круг проблем, связанных с образом идеального правителя государства, которого он называет *princeps*. В результате многочисленных исследований "немонархический" характер этого правителя можно считать установленным², однако вопрос о том, какую роль и место отводит ему Цицерон в политической системе, нуждается в дальнейшем изучении.

---

1 Vid.: M. Tullii Ciceronis scripta quae manserunt omnia. De re publica librorum sex quae manserunt, tertium recogn. K. Ziegler. Lipsiae, 1955, fasc. 39, p. XLII-XLIV; Marcus Tullius Cicero. Vom Gemeinwesen, lat. u. dt. Hg. von K. Büchner. 2. Ausgabe. Zürich, 1960, S. 7-77.

2 Heinze R. Ciceros "Staat" als politische Tendenzschrift. - Hermes, 1924, Bd. 69, S. 73 f.; Magdelain M. Auctoritas principis. Paris, 1947, p. 35; Seel O. Cicero. Wort - Staat - Welt. Stuttgart, 1953, S. 226-235; Lepore E. Il princeps Ciceroniano e gli ideali politici della tarda repubblica. Napoli, 1956, p. 70 sq.; Kumaniecki K. Ciceron i jego współczesni. Warszawa, 1959, s. 530 sq.; Taylor L.R. Party Politics in the Age of Caesar. Berkeley - Los Angeles, 1946, p. 153; Vogt J. Ciceros Glaube an Rom. Darmstadt, 1963, S. 56 f.; Justinski J. Listy polityczne Cyncerona. Myśl polityczna Cyncerona w świetle jego listów. Warszawa, 1970, s. 125 sq.; Korpanty I. Rozwój politycznej roli jednostki w republice rzymskiej i jego odbicie w literaturze. - Ossolineum, 1971, N 11, s. 66 sq.; Martino F. de. Storia della costituzione Romana. 2 ed. Napoli, 1973, v. 3, p. 190-193; Rawson E. Cicero. A portrait. London, 1975, p. 152.

Согласно утверждению Г.Бенарио, разработанная Цицероном концепция идеального правителя, дополняя традиционную римскую конституцию, находится вне её рамок³. Подобные утверждения о привнесённом характере данной концепции вызывают серьезные сомнения. Если проследить за рассуждениями оратора, то можно угадать путь, который привел Цицерона к её созданию.

В первых книгах трактата, сравнивая различные формы государственного устройства, Цицерон наилучшей признает смешанную форму, образцом которой для него является государство, основанное предками⁴. Поскольку такое устройство "обеспечивает" равномерное распределение прав, обязанностей и полномочий с тем, чтобы достаточно было власти у магистратов, влияния у совета первействующих людей и свободы у народа⁵, ему свойственно "важное равенство" и "прочность"⁶. Стабильность и долговечность этой государственной форме придает сенат⁷.

В отличие от Полибия, который в свое время с искусством фокусника старался уравновесить все три элемента традиционной полисной организации - магистратуры, сенат и народ, Цицерон видит в сенате главный элемент политической системы⁸. Это не противоречит его же определению государства *res publica est res populi*⁹. Хотя народ при любой форме государственного устройства должен обладать высшей властью, ему, считал Цицерон, явно не хватает политической мудрости. Поэтому с его согласия всеми делами с наибольшим авторитетом обязан ведать сенат, а народ призван принять это как должное и подчиниться ему¹⁰. То

3 Benario H. Cicero - rei publicae amantissimus. - The Classical Journal, 1973, v. 69, N 1, p. 17.

4 Cic., rep., I, 29, 45; 35, 54; 45, 69; II, 23, 41; 39, 65; I, 21, 34; 46, 70; II, 39, 66.

5 Ibid., II, 32, 57.

6 Ibid., I, 45, 69.

7 Ibid., I, 26, 41.

8 How W. Cicero's Ideal in his *De re publica*. - The Journal of Roman Studies, 1930, v. 20, p. 24-31.

9 Cic., rep., I, 25, 39.

10 Ibid., I, 34, 51-52; II, 32, 56; II, 36, 61; vid.: Keyes C.W. Original Elements in Cicero's Ideal Constitution. - American Journal of Philology, 1921, v. 42, p. 309-321.

равенство (*aequalitas*), которое является основной чертой смешанного устройства, само по себе "все-таки несправедливо, раз при нем нет $\bar{y}$ ступеней в общественном положении"¹¹. Признавая, таким образом, необходимость иерархии политической структуры, Цицерон исходил из традиционного понятия *dignitas*¹², которое давало *auctoritas* и право руководить тем, кто заботился о *liberte pares ceteris* и являлся *princeps dignitatis*. Такое сочетание равной свободы для всех и *auctoritas* для величайших *dignitas* было, как думал оратор, идеальной основой для создания сбалансированной политической системы, которая ответит творением подлинной *concordia* и *otium*¹³.

Признавая и считая необходимой градацию элементов, составляющих политическую систему, Цицерон нечто подобное переносил и на сенат. Здесь издавна были и лидеры, и олов аутсайдеры¹⁴. Для оратора история Рима была по существу историей великих личностей¹⁵. Отсюда Цицерон логично пришел к выводу, что мудрый государственный деятель при сохранении и при помощи традиционных институтов сможет привести государственный корабль в гавань *otium* и *dignitas*¹⁶.

11 Cic., rep., I, 27, 43.

12 Ibid., I, 34, 51; II, 34, 59; comp. I, 32, 49; Wegenhaupt H. Die Bedeutung und Anwendung von Dignitas in den Schriften der republikanischen Zeit. Eschenhagen, 1932; Drexler H. Dignitas. Göttingen, 1944; Adcock F.E. Roman political ideas and practice. Detroit, 1959, p. 13.

13 Mitchell T.N. Cicero. The ascending years. New Haven - London, 1979, p. 198; Wirszubski G. Cicero's cum dignitate otium: a reconsideration. - The Journal of Roman Studies, 1954, v. 44, p. 1-13.

14 Vid.: Kwaszczyk L.T. Ze studiów nad senatem rzymskim w okresie schyłku republiki. Kodz, 1965, s. 46 sq.; Gruen E. S. The Last Generation of Roman Republic. Berkeley - Los Angeles - London, 1977, p. 522.

15 Kumaniecki K. Cicero. Mensch - Politiker - Schriftsteller. - In: Acta Sessionis Ciceronianae. Warszawa, 1960, s. 16; Alders G.J.D. Die Theorie der gemischten Verfassung im Altertum. Amsterdam, 1968, S. 114 f.; Rambaud M. Cicéron et l'histoire romaine. Paris, 1953, p. 50.

16 Cic., rep., I, 43, 59; II, 34, 59; Leg., 3, 28; Phil., I, 34; Senat., 99; Mitchell T.N. Op. cit., p. 198.

Как видно, концепцию идеального правителя государства Цицерон выводит из традиционной рамочной конституции.

Своего правителя оратор называет *rector rei publicae*, *moderator rei publicae*, *tutor*, и наконец, *princeps*. Эта посылка в исторической литературе часто употребляется как синонимы, хотя очевидно, что между ними должны быть некоторые различия. В противном случае надобности во множестве терминов просто бы не было.

В анализируемом произведении слово *princeps*, часто имеющее у Цицерона смысл "первый по рангу", "самый знатный" или "руководитель"¹⁷, используется для обозначения членов сената¹⁸, авторитет которых был "в полном расцвете", поскольку они, оберегая древний уклад, "намного превосходила других людей своим почетным положением" и были "выше их по имущественному положению"¹⁹. В данном случае это понятие для Цицерона равнозначно понятию "оптимат"²⁰. Называя своего идеального правителя *princeps*, Цицерон, таким образом, связывает его с определенным элементом политической системы - сенатом. Кроме того, этим же определяется круг возможных претендентов на эту роль (оптиматы) и соответствующая модель поведения (следование законам и традициям предков).

Восстановить государство, которое ныне утрачено вследствие пороков первенствующих граждан²¹, можно, по мнению Цицерона, только возродив былое влияние сената, ибо именно *auctoritas* определяла положение этого института по отношению к *potestas* и *imperium* магистратов, а также *libertas* и *vis* народа²². Для этого авторитет сената должен был быть подкреплён авторитетом его членов. Поэтому Цицерон особое внимание уделяет морально-этической стороне деятельности правителя.

Оратор предписывает ему "быть и мудрым, и справедливым, и воздержанным, и красноречивым", "привлекать других людей подра-

17 *Vid.*: *Cic.*, *De orat.*, 211; 214-217; *Rab.*, 3; *Fam.*, XI, 16, 2.

18 *Cic.*, *rep.*, I, 34, 52; 45, 68-69; II, 32, 56. *Comp.*: I, 34, 51; II, 9, 15; 31, 55.

19 *Ibid.*, II, 39, 59; V, 1, 1.

20 *Ibid.*, I, 26, 41; 27, 43; II, 12, 55. *Comp.*: I, 45, 69; 44, 68; *Seet.*, 45, 97; 48, 103; 59, 126; 66, 138; Gwosdz A. *Der Begriff römischer Princeps*. Breslau, 1933, S. 6 ff.

21 *Ibid.*, V, 1, 1; 1, 2; III, 39, 41; *Leg.*, III, 12, 29-32.

22 *Ibid.*, II; 33, 57; *Leg. agr.*, 1, 27; *Dom.*, 51, 130.

жить ему блистательностью оной души и жизни, быть как бы зеркалом для сограждан²³. Его жизнь должна стать для них законом²⁴. Совершенно очевидно, предлагая созданный им образ в качестве модели для подражания, Цицерон отменялся к моральному обновлению аристократии. Именно это имел в виду оратор, когда писал, что в трактате "О государстве" он хотел показать наряду с наилучшей формой государственного устройства и образ идеального гражданина (*optimus civis*)²⁵. Как считают многие авторы, *princeps*, осуществляя политическое и моральное (что было особенно важно) руководство согражданами, должен был содействовать моральному обновлению аристократии и стать, таким образом, реформатором деградировавшей римской республики²⁶. При этом часто между рассуждениями Цицерона о таком правителе и теорией оратора о наилучшем гражданине ставится знак равенства²⁷.

Однако между *opt. civis* и *princeps* есть определенная дистанция. Последний обязан "научить законы и право" и "быть популярен во всем том, что касается пользы и достоинства граждан"²⁸. Цицерон требует от него государственной мудрости, заключающейся в знании "путей и поворотов в делах государства, дабы, зная, куда приведет то или иное из них, быть в состоянии задержать его ход и даже воспрепятствовать ему"²⁹. Полагая, что *gradus dignitatis* совершенно естественен, поскольку суще-

23 Cic., *rep.*, V, 1, 1; II, 42, 69.

24 *Ibid.*, I, 34, 52.

25 Cic., *Q. fr.*, III, 5, 1.

26 Taylor L.R. *Op. cit.*, p. 153; Justynski J. *Op. cit.*, s. 128; Dickinson J. *Death of the Republic*. New York - London, 1965, p. 313 f.

27 Strachan-Davidson J.L. *Cicero and the Fall of the Roman Republic*. New York - London, 1894, p. 294; Magdelain A. *Op. cit.*, p. 7, 35; Heinze R. *Vom Geist des Römerums*. Darmstadt, 1960, S. 143; Beranger J. *Recherches sur l'aspect ideologique du principat*. Basel, 1953, p. 32.

28 Cic., *rep.*, II, 29, 51; V, 3, 5.

29 *Ibid.*, II, 25, 45.

отвует от природы³⁰, оратор не мог предъявлять подобные требования к каждому, пусть и идеальному гражданину. Поэтому для обозначения своего правителя Цицерон, наряду со словом *principes*, вводит новые понятия, которые, по всей видимости, не являются традиционными. Во всяком случае, употребив их в первый раз, оратор сразу же оговаривается, что они "ещё малоупотребительны в нашем языке"³¹.

Хотя Цицерон использует введенные понятия как равнозначные, исходя из контекста можно попытаться выявить их некоторые смысловые различия. С понятием *tutor et procurator r.p.* он связывает мудрость и знания, которыми должен обладать государственный деятель³². В то же время *rector* "хотя и должен постараться изучить законы, может ограничиться изучением их источников", причем это не должно мешать ему "ведать делами государства", но зато он обязан обладать предвидением³³. В одном месте можно даже заметить противопоставление мудрости и предвидения: "Если знать их (кругооборот и чередование событий в государстве) — дело мудрого, то предвидеть их угрозу, находясь у кормила государства, направляя его бег и удерживая его в своей власти, — дело, так сказать, великого гражданина, а, пожалуй, богами вдохновленного мужа"³⁴. Первое понятие, таким образом, характеризует государственного деятеля, обладающего необходимыми знаниями, подготовленного к управлению, а второе показывает характер его практической деятельности. Различия между этими понятиями размыты, едва уловимы, одно предполагает другое, но все же они не исключают друг друга. Следовательно, рядом с "правителем и кормчим государства" (*rector et gubernator rei publicae*) может стоять "опекун и управитель" (*tutor et procurator*). В пользу такого предположения свидетельствует неоднократно выражаемое Цицероном сомнение в том, что сил одного человека даже выдающихся достоинств и способностей едва ли хватит, чтобы в достаточной степени овладеть всем необходимым для управления государст -

30 Cic., *rep.*, I, 34, 51.

31 *Ibid.*, II, 29, 51.

32 *Ibidem.*

33 *Ibid.*, V, 3, 5; VI, 1, 1.

34 *Ibid.*, I, 29, 45.

ном³⁵. В исторической литературе в настоящее время доминирует точка зрения, согласно которой Цицерон, создавая образ идеального правителя, имел в виду аристократическую элиту³⁶. Она занимает промежуточное положение между взглядами тех, кто полагал, что *rex* представляет собой правителя монархического типа³⁷, и тех, кто склонен был толковать этот термин шире³⁸.

Цель, которую стремится достичь правитель — это "счастливая жизнь граждан, с тем, чтобы она была обеспечена средствами, была богатой благодаря изобилию, великой благодаря славе и почетной благодаря доблести"³⁹. Он должен больше заботиться о пользе народа, чем о его желаниях⁴⁰. Цицерон писал об этом трактат в связи с конкретной политической ситуацией, сложившейся в Риме во второй половине 50-х гг., и поэтому он не мог не выделять особо те задачи, которые ему самому, стороннику республики, казались наиболее важными⁴¹. Правитель, пишет Цицерон, умом своим и деятельностью должен охранять государство⁴², быть всегда "во всеоружии против всего того, что колеблет государственный строй"⁴³. Это его основная задача, ведь "на в одном деле доблесть человека не приближается к могуществу богов более, чем это происходит при основании новых государств и при сохранении уже основанных"⁴⁴. Подобную мысль Цицерон развивает в последней книге трактата: "... Во всем, тем, кто сохранял отечество... вышлечено определенное место на небе..."⁴⁵. Хотя в этом фрагменте наряду

35 Cic., *rep.*, I, 34, 52; II, 1, 2; *comp.* II, 1, 4.

36 Cicero E. *Cicerone e i suoi tempi*. Milano, 1930, v. 2, p. 163; Kumniecki K. *Cyzeron..*, s. 348; Dickinson J. *Op. cit.*, p. 317; Rawson E. *Op. cit.*, p. 152.

37 Meyer E. *Caesars Monarchie und das Principat des Pompeius*. Stuttgart, 1922, S. 176 f.; Reitzenstein R. *Die Idee des Prinzipats bei Cicero und Augustus*. — *Gött. Nachrichten, Phil.-hist. Klasse*, 1917, H. 3, S. 399 f.; Ehrhard A. *Politische Metaphysik von Solon bis Augustin*. Tübingen, 1959, Bd. 2, S. 265.

38 *Ibid.* n. 27.

39 Cic., *rep.* V, 6, 8.

40 *Ibidem*.

41 Beel O. *Op. cit.*, S. 321.

42 Cic., *rep.*, II, 29, 51.

43 *Ibid.*, VI, 1, 1.

44 *Ibid.*, I, 7, 12.

45 *Ibid.*, VI, 13, 13.

с правителями (*gestores*) упоминаются охранители (*conservatores*) государства, очевидно, что это синонимы, поскольку вся деятельность правителей так или иначе вращается вокруг *conservare* 46.

Чем же, по мнению Цицерона, должна была обеспечиваться возможность достижения целей, поставленных им перед правителем? Так как Цицерон нигде и ни разу не упоминает о военной власти правителя, которая является обязательным атрибутом всех магистратов, то остается предположить, что он обладал не властью, а только влиянием, которое определялось его *auctoritas* 47. На авторитет выдававшихся консуларов в течение столетий опиралась вся внутренняя структура сената. Другими словами, с формально-правовой точки зрения *gestor* - это не какая-то конституционно-оформленная должность, а скорее модель поведения 48, образ действия, которым должен следовать идеальный государственный деятель. Эту мерку поведения Цицерон примеряет и к себе, и к Помпею, и к Цезарю 49. Оратор воздает похвалу Бруту, который, хотя и был частным человеком, взял на себя все государственные дела, и, сбросив ярмо народной власти, "доказал, что при защите свободы граждан нет частных лиц" 50. В данном случае Брут действовал как истинный *principes*. Цицерон неслучайно для обозначения правителя вводит новые понятия, а не использует традиционные термины, обозначавшие магистратуры. Этим он подчеркивает "надолгоотной" характер деятельности правителя. Оратор понимает, что в случае политического кризиса одной *auctoritas* для сохранения государства может оказаться недостаточно. Поэтому он не против того, чтобы авторитет правителя

46 Vid.: Schur W. *Sallust als Historiker*. Stuttgart, 1934, S. 33.

47 Heinze R. *Auctoritas*. - Hermes, 1925, Bd. 60, S. 348-366; Meyer E. *Römischer Staat und Staatsgedanke*. Zürich, 1948, S. 245 f.; Fürst F. *Die Bedeutung der "auctoritas" im privaten und öffentlichen Leben der römischen Republik*. Marburg, 1934; Biscardi A. *Auctoritas patrum*. - *Bulletino dell'Istituto di Diritto Romano "Vittorio Scialoja"*, XVI-XVII (LVII-LVIII). Milano, 1953; Balson J.F.V.D. *Auctoritas, dignitas, otium*. - *The Classical Quarterly*, 1960, N 10, p. 43-50.

48 Протасова С.И. Трактат Цицерона "О государстве" (его политическая тенденция). - Учен. зап. Сарат. ун-та, 1926, т. VI, вып. 3, с. 277.

49 Cic., *Att.*, VII, 3, 2; VIII, 11, 1.

50 Cic., *rep.*, II, 25, 46.

был бы подкреплён реальной властью. Вспоминяя борьбу против Катилины, Цицерон восклицает: "Что смог бы я тогда сделать, не будь я в то время консулом?" и продолжает: "... возможность прийти ему (государству) на помощь не проявляется вдруг или по нашему желанию, если не занимаешь такого положения, что так поступить ты вправе"⁵¹. *Auctoritas* правителя могла в случае необходимости явиться основанием для наделения его чрезвычайным полномочиями. Сиднион, один из участников диалога, описанного в трактате, говорит, что, когда это было нужно, "наши граждане постановляли, чтобы весь империй был в руках у одного человека, даже без коллег, причем уже само название указывает на особенность его власти. Ибо диктатор так называется оттого, что его назначают"⁵². Он вспоминает слова, сказанные ему предком: "Ты будешь единственным человеком, от которого будет зависеть благополучие государства, ... ты должен будешь как диктатор установить в государстве порядок"⁵³.

Это обстоятельство, рассматриваемое сквозь призму рассуждений Цицерона о превосходстве царской власти над другими простыми формами государственного устройства, даёт основание некоторым авторам полагать, что оратор отдаёт монархическому элементу руководящую роль в смешанной форме правления⁵⁴.

Цицерон действительно считает царскую власть наилучшей из простых государственных форм⁵⁵. "Имя ца я, - пишет оратор, - напоминает мне как бы отца, заботящегося о согражданах как о своих

51 Cic., *rep.*, I, 6, 10; *Sall.*, *Ep.*, 2, 3, 1.

52 Cic., *rep.*, I, 40, 63.

53 *Ibid.*, VI, 12, 12; Alföldi A. *Le basi spirituali del principato romano*. - *Corvina. Rassegna semestrale Italo-Ungarica della "Mattia Corvino"*, 1952, anno I, vol. I, p. 30.

54 См.: Марченко Г.М. Цицерон о единоличном правлении (по материалам трактата "О государстве") // *Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. История, язык, литература*, 1976, № 2, с. 146.

55 Cic., *rep.*, I, 35, 54; II, 23, 43.

детях"⁵⁶. "Тех, кому люди повиновались согласно закону, они называли не повелителями, не властителями, наконец, даже не царями, а стражами отечества, отцами, богами"⁵⁷. Правление такого царя не хуже правления оптиматов, "ведь если государством правит мудрость, то какая разница, будет ли это мудрость одного или же нескольких человек"⁵⁸. Однако не мудрость является главным определяющим признаком такого устройства, а постоянная власть, сосредоточенная в руках одного человека⁵⁹. Это делает непрочной судьбу народа, так как она зависит от "воли, вернее, нрава одного человека"⁶⁰. "Народу, находящемуся под царской властью, не достаёт многого и прежде всего свободы, которая состоит не в том, чтобы иметь оправдательного владыку, а в том, чтобы не иметь никакого"⁶¹. Таким образом, с одной стороны, монарх стремится к благоволению граждан, а с другой - его исключительное положение делает государство непрочным. Цицерон не мог не заметить этого явного противоречия. Монархия была для оратора лишь исходной точкой кругооборота государственных форм⁶², всего лишь теоретическим допущением⁶³, которое к тому же было приемлемым отнюдь не для всех римлян⁶⁴. Рассуждения о монархии в композиционном построении трактата четко отделены от рассуждений об

---

56 Cic., rep., I, 35, 54.

57 Ibid., I, 41, 64.

58 Ibid., III, 35, 47.

59 Ibid., II, 23, 43; II, 27, 49.

60 Ibid., II, 27, 50.

61 Ibid., II, 23, 43.

62 Ibid., I, 42, 65.

63 Ibid., III, 35, 47.

64 Rawson E. Op. cit., p. 152; Koptany J. Op. cit., s. 69.

идеальном правителе. Кроме того, говоря о монархии Цицерон использует слова *rex* и *regnum*, которые в его время употреблялись как политические обвинения⁶⁵.

Чертой, определяющей положение правителя является не наличие власти, а *auctoritas*. В случае же наделения его чрезвычайными полномочиями, положение правителя в системе традиционных институтов, по мнению Цицерона, не должно было измениться. Оратор подчеркивает, что если в государстве какой-либо один человек облечен властью, причем не обязательно царской, даже если при этом существует сенат, а народ обладает какими-то правами, то в этом случае царская власть все же имеет наибольшее значение, и такое государство не может не называться царством⁶⁶. Поэтому та диктатура, о которой говорит Цицерон, является традиционно республиканской, ограниченной по времени. Правитель в этом случае не становится над государством⁶⁷. Весь трактат Цицерона пронизан староримским духом необходимости подчинения личности государству, которое рассматривается как высший принцип⁶⁸.

65 Sell., Ep., 2, 6, 1; Wirszubski O. *Libertas as a political idea at Rome during the late republic and early principate*. Cambridge, 1950, p. 62-65; Čučka J. *Nevavist Rimanu ke kralovlede a jeji priciny*. - *Sbornik praci filosoficke fakulty Brnenske University*, 1956, N 5, s. 13-15; Earl D. *The Moral and Political Tradition of Rome*. New York, 1967, p. 59.

66 Cic., rep., II, 23, 43.

67 Bichner K. *Tyrenn und sein Gegenbild in Ciceros "Staat"*. - In: *Studien zur römische Literatur. Cicero*. Wiesbaden, 1962, Bd. II, S. 116-147; idem: *Cicero. Bestand und Mangel seiner geistigen Welt*. Heidelberg, 1964, S. 223 f.

68 Cic., rep., I, fr. 2; VI, 16, 16; Drexler H. *Die Entdeckung des Individuums*. Salzburg, 1966, S. 10; Meyer Ern. *Op. cit.*, S. 249; Rohlfenz M. *Die Stoa. Geschichte einer geistigen Bewegung*. Göttingen, 1959, S. 260; idem: *Antikes Führertum. Cicero De officiis und das Lebensideal des Panaetios*. Leipzig, 1934, S. 114. *Comp.*: Alföldi A. *The Main Aspects of Political Propaganda on the Coinage of the Roman Republic. Essays in Roman Coinage Presented to H. Mattingly*. Oxford, 1956, p. 63-95.

Чтобы подчеркнуть эту мысль, Цицерон использует всем понятную аналогию — правитель должен вести всеми делами государства и "быть в нем, так сказать, управителем усадьбы"⁶⁹. Другими словами, несмотря на свое высокое положение, *rex* в любом случае не является высшей инстанцией. "Хозяином" государства в полном смысле этого слова должен и может быть только сенат. Таким образом, монархический элемент в смешанной форме государственного устройства играет явно подчиненную роль.

Трактат Цицерона явился реакцией на события, происходившие в Риме в 50-е гг.⁷⁰. Тенденция установления единоличной власти, исходной точкой развития которой в I в. до н.э. стала диктатура Суллы, привела к образованию так называемого первого триумvirата. Его деятельность показала возможность существования своеобразного правительства, стоявшего фактически вне рамок традиционной политической системы. "Изменялось все положение сената, судов, государства... О том достоинстве консулара — мужественного и стойкого сенатора — нам нечего и думать..." писал Цицерон одному из друзей⁷¹. После совещания триумvirов в Луке, когда стали очевидны их подлинные намерения, он впервые, пожалуй, увидел ту пропасть, которая лежала между его представлениями о государстве предков и римской республикой 50-х гг.⁷². В своих письмах этого периода Цицерон выражает серьезную обеспокоенность возможностью установления диктатуры⁷³.

---

69 Cic., *rep.*, V, 3, 5.

70 В этом трактате Цицерон в форме диалога стремился сказать все, что сказал бы в своих речах, если бы был волен сделать это. Хотя действие перенесено в век Сципиона Младшего (ок. 129 г. до н.э.), здесь затрагиваются проблемы 56-52 гг. до н.э. — Lahey W.K., *Cicero and the end of the Roman Republic*. London etc., 1978, p. 81.

71 Cic., *Fam.*, I, 8, 4.

72 Ciaceri E. *Op. cit.*, v. II, p. 69-161; Gelzer M. *Cicero. Ein biographischer Versuch*. Wiesbaden, 1969, S. 145-212; Gruen E.S. *Cicero and Licinius Calvus*. — *Harvard Studies in Classical Philology*, 1966, v. 71, p. 215-233; idem: *Fourey, the Roman Aristocracy, and the Conference of Luca*. *Historia*, 1969, Bd. 18, p. 106 f.; Sumner G.V. *Manius or Messerius*. — *The Journal of Roman Studies*, 1964, v. 54, p. 42 f.

73 Cic., *Q. fr.*, III, 6, 4; II, 13, 4; *Att.*, IV, 18, 3; IV, 19, 1.

В трактате "О государстве" Цицерон предпринял попытку противопоставить триумvirатам и вообще тенденции единовластия созданный им образ идеального правителя государства. Хотя возникший сравнительно недавно в римском обществе и ставший к середине I в. уже привычным идеал "великого человека"⁷⁴ нашел в этом образе свое наиболее полное воплощение и получил по существу статус традиции, тем не менее в трактате трудно увидеть отрешение Цицерона к компромиссу между единовластным правителем и оптиматами⁷⁵. Он готов был пойти на компромисс, но только не с единовластным правителем, а с великим гражданином, что в его представлении было далеко не одно и то же. Вся последующая деятельность Цицерона это подтвердила.

Т. П. Кац

КУРАГИЧЕСКАЯ САРДИНИЯ И "МОРСКИЕ НАРОДЫ"

Одной из оригинальных культур Западного Средиземноморья является островная культура древних сардов. По всей Сардинии рассеяны нураги, огромные, каклопические башни в форме усеченного конуса, выстроенные из каменных глыб, положенных насухо. К настоящему времени известно около 7 тысяч нурагов; они строились на острове в течение тысячелетий (с середины II ты. по VI в. до н.в.) и вне всякого сомнения свидетельствуют о некогда существовавшей здесь самобытной местной культуре. Кроме нурагов, эта культура характеризуется выполненными в той же строительной технике, что и нураги, круглыми хижинами, сгруппированными вокруг нурагов в поселения (нурагические деревни), своеобразными погребальными сооружениями, так называемыми "могилами гигантов", священными колодцами-храмами. Широко предтав -

⁷⁴ Spranger P.F. Der Große. - Saeculum, 1938, № 9, S. 22-58; Mette H.J. Der "große Mensch". - Hermes, 1964, Bd. 89, S. 332-344; Latte K. Römische Religionsgeschichte. München, 1960, S. 100.

⁷⁵ См.: Машкин И.А. Принципат Августа. М.-Л., 1940, с. 51.